

Из всех часов в сутках я больше всего люблю раннее утро. Вре-
мя, когда еще не день, но уже и не ночь. В пять часов я могу
спокойно выдохнуть и представить грядущий день, могу вы-
строить мысли в ряд и таким образом присматривать за ними,
ночью они кружатся, как чайки над черствой краюшкой хлеба
в засаленном городе. До меня доносятся взмахи их крыльев, но
угадать, куда они направляются, невозможно. По ночам Вахид
включает 50 Cent на всю катушку, может быть, так он пытается
направить свои мысли в другое русло. Зачастую настолько
громко, что от басов трясется пол в моей комнате. Он спит весь
день, просыпается около десяти вечера и делает погромче.
Здесь такая слышимость, что кажется, будто мы живем в одной
комнате, будто мы спим в одной палате. И хотя у меня появи-
лись беруши, я отправляюсь жаловаться вечерней смене, и если
он попадаете мне днем, то ему достается. Он проносится мимо,
ласково смотрит на меня и здоровается. Я отвечаю на привет-
ствие, устремив взгляд в одну точку над его головой. Я стараюсь
идти как можно прямее. Мне не нравятся покачивания из сто-
роны в сторону, как не нравятся резкие скачки эмоций, подоб-
ные переваливаниям автомобиля, переезжающего футбольный
мяч на дороге. Мой распорядок дня жизненно важен для меня.
Сердце в сердце, куда мы идем.

Нас поселили в этом доме, высоко над землей, в комнатах, набитых разными предметами. Мне лучше слышно то, что делает Вахид этажом ниже, чем то, что Сара — за стенкой. И совсем не слышно Лассе, Гектора и Мари, но они живут дальше по коридору. Нам выделили жилье по § 107 — программе предоставления временного жилья молодым совершеннолетним людям в возрасте от восемнадцати до тридцати лет. Этажи со второго по пятый распределены по § 108 — постоянное жилье. У меня нет растений, я принципиально не обзавожусь тем, что может погибнуть, и это непросто: я не знаю, что живет вечно. У Сары же много вещей, работникам центра часто приходится ей помогать с ними, наводить порядок, раскладывать их по правильным местам. Ее обувь выстроена в ряд у двери, бежевое покрывало с узором накинуто на кровать. Понятия не имею, как выглядит комната Вахида. Представляю диван, ковер с плотным ворсом, точно знаю лишь, что у него есть колонка, возможно, даже две. Этажи в центре для проживания похожи друг на друга: на каждом от пяти до десяти комнат, офис персонала, общая гостиная, балконы для курящих, блестящие линолеумные полы. По всему дому развешаны доски объявлений. Коридор молодежного отделе-

ния украшают постер «Властелина колец», кресло и несколько горшков с пальмами. В целом мебели немного, что в гостиной, что на кухне. Мебель только отвлекает, поэтому нас избавляют от нее.

А поскольку я никогда не сплю по ночам и уж тем более не сплю днем, я часто наведываюсь к ночным дежурным на первом этаже. Здесь можно выпить чая или покурить вместе с другими полуночниками, собравшимися со всех этажей. Большинство ночных дежурных прошли краткий курс NADA* — разновидности акупунктуры, когда около десяти иголок втыкаются в уши, затылок, иногда и в мизинец в качестве альтернативы, например, бензодиазепинам, успокоительным. Кроме того, дежурные могут отпереть тренажерный зал, где помимо спортивного оборудования есть массажное кресло. Ночью в доме редко что-либо происходит: большинство жильцов спят, а те, кто нуждается в дополнительной поддержке в виде лекарств или другой физической помощи, уже учтены в рабочем графике. Обычно на смене четверо дежурных, они носят на поясе тревожные кнопки и сильно отличаются от сотрудников, которые работают днем. Твердость в их взглядах не перепутать с хладнокровием или отстраненностью, это часть рутинного ухода. Хотя я всегда могу спуститься к персоналу на первый этаж, он не предназначен для приюта полуночников; ночь — для сна, и мне приходится макси-

* NADA (National Acupuncture Detoxification Association) — Национальная ассоциация акупунктурной детоксикации.

мально подстраивать свой суточный ритм под это. Если мы нуждаемся в акупунктуре NADA, можно просто позвонить, и дежурные придут в комнату. Мне больше всего нравится Марк: красивый и сильный, с нежными голубыми глазами, бывший боксер из Калуннборга, лысый, с длинной бородой, вечно в одежде для активного отдыха. Если у Марка выходной, то мне не хочется, чтобы ко мне кто-либо приходил. Иногда я засыпаю с иглами, но Марк прокрадывается ночью и вынимает их одну за другой, пока я сплю. Даже если я просыпаюсь, то не подаю вида и продолжаю наслаждаться тем, как он бесшумно приподнимает мой затылок, осторожно вынимает иглы, кладет маленькие кусочки ваты возле ушей на случай кровотечения, — всей этой заботой, которая может быть оказана только спящему, и его бережной ответственностью.

Когда у Марка смена, мы пьем кофе из автомата или занимаемся боксом в тренажерном зале. В моем теле много злости и шума, поэтому мне не нравится общая гостиная на первом этаже, заставленная разными бесполезными вещами, растениями, играми, книгами. Больничные палаты мне нравились больше: там почти не бывает предметов, зато хуже пахнет, а запах очень важен. В нашем доме он не так страшен. Гостиная стилизована под кафе. Звук промышленной посудомоечной машины почти не смолкает. Этот жилой центр, как постоянное жилье, так и временное в молодежном отделении, — своего рода исследование дома. Так, гостиная напоминает сцену перед началом спектакля, набросок декораций. Марк с удовольствием отпирает для меня кухню по ночам, если мне это нужно. Но такое случается редко. В моей комнате есть почти вся необходимая мне еда: пряные булочки, фруктовый йогурт с красными ягодами, мед, а если мне и приходится воспользоваться кухней, то только для того, чтобы сварить тортеллини.

Я ложусь на пол. Надо мной нависает потолок, как переполненная мембрана, его тяжесть давит на меня, и я переворачиваюсь на живот, ползу по полу, добираюсь до ванной, нажимаю на тревожную кнопку. Я не помню, как говорить, я забыла, как это делать, словно меня полностью отключили от голоса именно тогда, когда он мне нужен. Персонал стягивает с меня рубашку, мокрую от пота, я дрожу и трепещу при виде потолка ванной, приезжает скорая помощь. Они поднимают одну мою руку, затем другую и видят, что мои руки больше не принадлежат остальному телу, хотя так не должно быть, руки безвольно падают, «Ну же, шевелись, ты знаешь, что я стою прямо здесь», — говорят они. Свет маленького фонарика режет глаза, приносят носилки, но это добровольно, утверждают они, мой собственный выбор; мое лицо сливается с линолеумом. Только когда они уйдут, только когда они все уйдут, я обрету покой здесь, в доме, где я живу.

При выходе из лифта в длинный коридор не сразу замечаешь, что с левой стороны находятся пять отдельных комнат. По комнате на каждого: на Лассе, Сару, Гектора, Мари и меня. Линолеум на полу отражает резкий свет люминесцентных ламп. Не слышно ни голосов, ни электрических диалогов из телевизора, ни уверенных шагов в коридоре, ни зажженных сигарет на балконе. У меня нет секретов, а значит, нет истории. Коридорные лампы оснащены датчиками, реагирующими на движение. По свету и механическому гудению я узнаю, что кто-то идет, еще до того, как слышу шаги. Сегодня мой ментор пришел пораньше.

Томас печатает на продолговатой клавиатуре перед экраном компьютера в своем кабинете. Его офис находится в конце коридора, рядом с пожарной лестницей, наискосок от моей комнаты. Через небольшое окно, выходящее во внутренний двор, я вижу, как кто-то выбивает ковер, рядом цветет фиолетовая сирень. «Все нужно задокументировать, так положено, — объясняет он, вскинув руки и прижав плечи к ушам. — К сожалению». Тыльной стороной ладони он вытирает подтекающий нос, продолжает печатать, смотрит на меня, оборачивается. «Нам стоит поработать над твоим планом действий. Запиши несколько вещей, которые могли бы облегчить твою повседневную жизнь». Томас с темно-синими глазами и слегка выцветшим черным шерстяным свитером. Томас с сильными руками и кроссовками New Balance, часами на кожаном ремешке цвета какао на правом запястье, темным пятном под влажным веком, светло-каштановыми кудрями. Он заведует отделением на шестом этаже и является моим ментором. Когда я переехала, сотрудников не хватало, и ему пришлось взять на себя часть обязанностей. Он и сам предпочитает работать на этаже, а не в администрации, я однажды подслушала через дверь офиса, как он рассказывал об этом Ларсу. Если вас переводят из больницы в жилой центр, от женского персонала к мужскому, от медработников к педагогам,

от централизованной прачечной и ночников к крепким телам и совместным занятиям, вы быстро адаптируетесь. «Я хочу научиться спать», — говорю я. «Хорошо, — отвечает Томас, — в этом, пожалуй, я не смогу тебе помочь, но ты можешь обратиться к Хелле, когда она придет в четверг». Он закидывает левую ногу на правую, упираясь коленом в подлокотник офисного кресла. Над его головой висит плакат с альбомом Боба Дилана *Oh Mercy*, Томас делает глоток кофе. «Но я могу помочь придумать, чем заняться, когда ты бодрствуешь». Он кладет левую руку на черный ежедневник в кожаном переплете, как бы обдумывая что-то, затем убирает ее и обхватывает чашку кончиками пальцев обеих рук.

Ночью весь дом как будто сплачивается, а днем каждый из нас — изолированная маленькая единица. Вчера днем дуэт Strejkedrenge выступал в кафе с небольшим концертом, о котором нам даже не сообщили. Возможно, они считают, что это не для нас; что излишнее хождение по этажам приведет к загрязнению, распространению инфекции и усталым лицам. Здание, в котором мы живем, изначально служило домом престарелых. В середине нулевых годов его перестроили, чтобы предоставить уход самым тяжелым психически больным, нуждающимся в доме — постоянном месте жительства с круглосуточным присмотром. Жильцов дома престарелых переселили, общий зал на первом этаже заново покрасили, на старых коричневых полках расставили разные книги, пригласили художника, чтобы разрисовать белые стены у входа абстрактными разноцветными мотивами. В кафе на первом этаже назначили нового управляющего, который должен ежедневно обеспечивать постояльцев вкусной и здоровой едой. В целом здание получило возможность перестроиться под другой образ жизни, ориентированный примерно на сотню взрослых людей разного возраста с совершенно разными, но одинаково взыскательными потребностями. Комнаты на втором — пятом этажах распределяются в соответствии со статьей § 108

Закона о социальном обслуживании: коммуны* обязаны предлагать пригодное для длительного проживания жилье людям, которые из-за снижения физических или умственных способностей нуждаются в значительной помощи в выполнении обычных повседневных функций или в уходе и лечении и которые не могут удовлетворить эти потребности каким-либо другим способом. Обычно об эффективности учреждения судят по его размеру: чем больше, тем лучше. Супербольница, супермаркет, суперцентр. Это учреждение не стало исключением. Многим обитателям по § 108 нелегко справляться с социализацией этого места: каждый раз, покидая свою комнату, они сталкиваются с другими жильцами или обслуживающим персоналом. Но, с другой стороны, изоляция может иметь очень серьезные последствия, а жилые центры строятся на социальной основе. Такая амбивалентность чувствуется в повседневной жизни жильцов со второго по пятый этаж, но для нас, живущих на шестом, она менее заметна. И все из-за простого различия в социальной политике: нам выделяют жилье согласно § 107, для временного проживания. Мы не намереваемся оставаться. Нам нужно освоить навыки, которые пригодятся в дальнейшей жизни. Встает вопрос: почему молодежное отделение вообще разместили в бывшем доме престарелых, а не в собственном здании, отдельном от § 108, если разграничение было настолько важным? Задумайтесь, почему всех больных людей нужно было собрать под одной и той же ненадежной крышей, и не удивляйтесь ответу.

* Низшая административно-государственная единица в Дании.

Однажды я решила связать шарф. Нашла пыльно-голубую пряжу и приступила. Кажется, это было три года назад, но я не уверена. Мне трудно собрать его воедино, трудно не позволить веревке становиться все длиннее и длиннее. Я называю его «веревкой», потому что это скорее веревка, чем шарф; он лежит в корзине в шкафу. Шарф, естественно, не закончен, поэтому мне и нравится вязать его: у этого проекта нет конца. Шарф наблюдает за мной, дожидается. Я не отличаюсь особым мастерством, и это еще одна причина, почему шарф до сих пор не завершен. Я не умею вязать вслепую, отдавшись во власть рук, мне приходится постоянно напоминать себе о том, что нужно делать. Я многое забываю, как будто воспоминания нужно приносить в жертву новому опыту, как будто иначе для обоих нет места. Около двух лет назад сотрудники больницы попросили меня перед началом электрошоковой терапии записать самое важное, например пин-коды к кредитной карте и телефону, номера близких людей. Несмотря на то что прошло уже много времени, я до сих пор иногда достаю блокнот и пересматриваю записи: прежде всего коды. Цифры, номера. Люди, которым я задолжала. Остальное должно было уступить место выздоровлению. И Мари, идущая по блестящим полам с большой охапкой одежды; я вижу ее и каждый день перенимаю у нее новый язык.

У Мари короткие волосы, чуть выше плеч, тонкие и обесцвеченные, вытянутые выпрямителем; челка касается бровей. Она хрупкая, но не низкая, округлый живот выпирает, как у большинства людей на психотропных препаратах. Она смотрит поверх голов тех, кто проходит мимо нее в коридоре. Она редко бывает на шестом этаже, хотя и живет здесь, а если и появляется, то часто сидит в общей комнате у балкона, где стоят два компьютера. С наставниками она разговаривает так, словно живет здесь уже давно. «Ларс!» Ее голос тонкий и сильный, она лениво произносит слова, смеется напористо. Она ходит так, будто ее, как и меня, больше не волнует, что руки должны быть частью остального тела. Она открывает холодильник на общей кухне, склонив голову набок, слегка приоткрыв рот, подает бедро вперед и снова закрывает холодильник. В шкафу она находит хлебцы, хватает несколько штук и, развернувшись на пятках, выходит из кухни длинным шагом. Мари никуда не спешит, не всем принадлежит будущее.

Мне кажется, я вовсе не апатична. Я готовлю растворимый кофе на кухне, наполняю чашку до краев и разливаю его по всему коридору до балкона, обжигая пальцы. Я знаю, что произойдет сегодня: птицы тоже знают. Я знаю, что произойдет сегодня: верхушки деревьев знают это, по ним проносится ветер. Ничто не мешает движению листьев. Ничто не мешает моей руке соединиться с чашкой. Ничто не мешает отношениям моей кожи с окружающей средой: ногти знают это, знают и облака. Ничто не мешает моим ладоням чувствовать кипяток или давление рук — назови это, почувствуй это. Ни единого облачка на чертовом небе, ни единого волоска на моей руке, впереди солнечные месяцы, дни станут дольше, чем ночи, никаких изменений в отношениях моего лица с кровью, никаких изменений в отношениях домов с людьми.

Психиатр Хелле приходит по средам и каждый второй четверг. Она отвечает за молодежное отделение и за большинство других молодых людей в доме, которым по той или иной причине предоставили здесь постоянное жилье. В их распоряжении не большая кухня, две комнаты, у некоторых даже есть балконы, и, в отличие от большинства социальных квартир, это жилье находится в центре города. Однако молодежи не рекомендуется обращаться сюда за постоянным жильем, хотя это может показаться заманчивым. У многих возникает вопрос: зачем искать что-то лучшее, чем здесь? Зачем даже пытаться представить себе самостоятельную жизнь, пусть и с поддержкой один или два раза в неделю, но с необходимостью отвечать за собственное состояние и лечение? Представить такую жизнь практически невозможно. Нам твердят следующее: такой день наступит, а пока мы можем тренироваться в приготовлении супа вместе. Нам твердят: когда мы варим суп все вместе, мы помогаем друг другу. Нам твердят: хвалите себя, поддерживайте себя и любите себя, например, если вы сегодня почистили морковь, испытайте за это гордость. Спустя семь лет мы сварим чечевичный суп и съедим его вместе, но уже как отдельные, независимые личности. Что дальше.

Кто-то подарил мне цветы. Мне принесли цветы и, подрезав стебли на длину большого пальца, поставили их в вазу с водой до краев. В моей комнате нет ничего живого на вид и уж тем более нет подарков, которые принято дарить больным: цветов, шоколадок, журналов. Предметы здесь должны были быть пластиковыми, они должны были быть мертвыми. Они должны были быть блестящими, твердыми и почти неразрушимыми. Но цветы хрупкие и покачиваются, стоит мне открыть окно; они тонкие, и лепестки беспомощно болтаются на головке, словно просясь, чтобы их разорвали. В моей комнате: письменный стол, стул, кресло, кровать, маленький столик у ее изголовья. По лампе на потолке, на столе и прикроватной тумбочке. Стекланный шкаф с чашками из разных наборов, стаканами, тарелками, комплектом ножей, вилок, ложек. Кроме того, одежда, сумки и другие предметы гардероба разбросаны по шкафу у входа. Десяток книг, два журнала. Я намеренно не держу в этой комнате больше вещей, но не только потому, что мебель шумит одним своим присутствием, — слишком много предметов без конкретной, непосредственной функции могут оторваться от своей материальности, внезапно принимая обличия, с которыми я не имею сил и не умею взаимодействовать. Но дело не только в этом. Все вещи в этой комнате принадлежат мне.

В больнице было иначе — что во взрослом отделении, что в подростковом. Все, что меня окружало, было сломано: банки с овсянкой, рождественские елки в коридоре, подсвечники, комнатные растения, вешалки, стулья с обивкой, стулья без обивки, складные стулья, стаканы, чашки с ручками, кофейники, фотографии в рамке, фотографии без рамки, маркеры для доски, фрукты, елочные украшения, маленькие морковки в пакете, книги, шахматы, столики на колесах, один стул дизайна Арне Якобсена. И мне было совершенно все равно, что они сломаны; что я уничтожила еще один предмет, который уже не вернуть. Больница не принадлежит никому, больничная мебель блестит на сцене, издалека долетает запах реквизита. Но комната в этом центре? Мне приходится упражняться в том, чтобы принять, что эти предметы принадлежат только мне и никому другому.

На доске в общей кухне написано меню на неделю. Каждый понедельник его стирают и персонал обходит комнаты, чтобы узнать, какие блюда мы хотели бы приготовить в отведенный каждому из нас день. Если не получается что-либо придумать, то предлагает наставник. В расписании на неделю есть и другая важная информация, например дни рождения или встречи жильцов. Обычно они записываются под пунктом с нашими именами и блюдами: «Среда: Сара. Лазанья + салат. Вечер игр». День приготовления еды — это упражнение в обычном дне, в повседневной жизни. Кроме того, это место, где иерархия персонала и жильцов не так очевидна. Границы между тем, кто ухаживает, и тем, за кем ухаживают, ненадолго размываются. Приятно делать что-то своими руками. Сотрудники молодежного отделения редко готовы обсуждать диагнозы, они предпочитают рассказывать о концертах или пробежках. Переход из больницы в жилой центр был безумным, страшным, казалось, я вот-вот превращусь в человека с сумкой и особым отношением к каждому дню: «наконец-то пятница», «дурацкий понедельник», «воскресенье, чтобы отоспаться». Навязчивые чувства обывателя. Потребовалось несколько недель, прежде чем кто-то спросил о моих прежних и нынешних диагнозах, и это почти встревожило. Но тем не менее сотрудники

не обязательно заинтересованы в полном разрушении соотношения сил в психиатрии: деиерархизации всех ролей и порядка, принятого в учреждении, или уничтожении дихотомии между больными и здоровыми. Скорее они видят часть распределения власти как распределение ответственности. Два полюса — больной и здоровый — рассматриваются как признание боли каждого отдельного человека. В обычную среду Сара решила приготовить блины, картофель в сливках и фрикадельки, это было своеобразным жестом, подарком для шестого этажа, чтобы мы могли немного побаловать себя, но, когда она жарила горю блинчиков, казавшуюся бесконечной, Надя спокойно, но твердо взяла Сару за плечи и отвела ее от дымящейся сковороды.